



ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Мих видит самую настоящую дворянскую магию

— Поединок! Поединок!

Мимо пронеслась ватага незнакомых мальчишек. Один из них, белобрысый, с перебитым набок носом, на секунду задержался, даже за камнем нагнулся, но Мих прорычал ему в спину:

— Лучше не надо, паря...

— Митька, да брось ты, не видишь — орчук? Руки об такого только марать.

Белобрысый трусливо обернулся и умчался прочь. Таких, как он, — тьма в Моршане. Каждый только и думает, как бы поддеть или унижить орчука. Будто Мих мало страдал за свою жизнь. Орчук поднялся на ноги, отряхнул широкие короткие штаны, поковырял мостовую большим пальцем и покрутил головой.

Солнца не было видно за низкими тучами, которые цепляли крыши доходных домов. Однако своим звериным чутьем, каким обладает каждый орк, полукровка знал, что дело близится к закату. Сегодня работы больше не предвидится.

Половой не крикнет по мелкому поручению, купец не прикажет товар до телеги снести, кузнец не попросит

подержать лошадь для перековки. А это что значит? Можно теперь поесть и спать идти.

Мих отер пот с широкого крепкого лба. Тяжело ему было в городе, душно, дышать нечем. Который день тучи пучились, а все разродиться дождем не могли. Хотя он-то еще что, ко всему привычный. А вот людям и вовсе приходилось нестерпимо. Вчера вот барыню сморило, несчастная грохнулась ему прямо под ноги... Если бы не он, расшибла голову как пить дать. И ведь хороша собой — милая, сахарная, кожа точно фарфор. Миху с такими и стоять рядом не приходилось. Поднял ее, отряхнул, а барыня ему: «Благодарю вас, милостивый государь». И к сопровождающим. Мих даже опешил: где он, а где милостивый государь? Видно, здорово голову напекло.

Орчук оглядел пустеющую улицу. Гордо высились кирпичные дома, молчаливо взирая на прохожих. Из парадных пахло одеколонами, с черного входа смердело нечистотами, которые слуги выливали прямо на ступени.

Поодаль лениво переругивались биржевой извозчик с обычным ванькой. Последний вроде как по ошибке встал на чужое место. Вместе с тем Мих понимал, что до драки у них не дойдет. Слишком жарко, чтобы кулаками махать.

Со службы возвращались канцеляристы низших чинов. Эти были почти такие же горемычные, как и Мих. Мундиры не по размеру, штиблеты грязные, а в глазах тоска. Такому скажи «ваше благородие», он весь день светиться будет.

Мих еще поэзирался, поскучал, а после дошел до хлебной лавки. Там он и взял два внушительных калача за четыре копейки. Некоторые бедняки таким брезговали:

все-таки еда залежалая, да еще черствая. А орчуку в самый раз.

Мих вообще любил все самое простое. Или, как его папенька, царствие ему небесное, говорил, — незамысловатое. Все, что у обычного человека вызвало бы на лице скорбь, Мих съедал без всякого раздумья: тушеную репу, гороховый кисель, рассольник, разномастные щи, пусть хоть из одних только мослов, запеченные в сметане грибы, пироги.

Бывало, пусть и редко, некоторые из нанимателей, то ли действительно по доброте душевной, то ли шутки ради, угощали его дорогими яствами. Ведь каждому любопытно, как эдакое чудовище станет тушеную белорыбицу есть или фаршированные артишоки. И очень разочаровывались, когда выходило, что ничего в этом особенного нет. Ел Мих чинно, неторопливо. Пусть и не особо по вкусу ему было подобное. Но он не гордый, чтобы от дармовщины отказываться.

Все эти люди не знали самого главного: орчук, пусть и выглядит страшно, обучен всем этикетам и грамоте. Очень его папенька хотел из Михаила Бурдюкова человека сделать, как бы смешно это ни звучало.

Полукровка посмотрел по сторонам и задумался.

А может, и вправду махнуть к Острожевскому тупику, поединок посмотреть? Время раннее, идти здесь — всего ничего. А так хоть какое-то разнообразие в жизни. Поглядит, как студиозусы меж собой ссорятся. Вечно они выясняют отношения. Покричат, пошумят, шпагами помашут, рванятся немного да домой разойдутся. И то веселье.

Мих прошел три улицы, меряя толстыми ножищами мостовую. За день разгорячился камень, как хозяйка

сварливая. Если мимолетно на него ступить, то даже приятно. А вот задерживать больно, того и гляди обожжешься.

Еще хорошо, что в Острожевском тупике хоть и светло, но все же прохладнее, чем в других местах. С трех сторон он окружен высокими, в три этажа, домами, а четвертой выходит на Верхнеколоменскую. Солнце здесь зыркает лишь под вечер, когда и злость уже всю теряет.

Мих осмотрелся и обомлел. Мать-заступница, сколько люду всякого набилось, как ворья на ярмарку! С десятка три рабочих — с теми все понятно, шли домой и задержались. И крестьяне здесь были, которые в город приехали торговать. Ребятишек и вовсе целая прорва — шмыгают туда-сюда, кричат. Купцы также пришли, целых восемь человек. Те стояли в особенной отдаленности, общаясь исключительно меж собой. Рябили в глазах и служивые — как без них? Но самое главное другое. Среди зачинщиков Мих увидел высокородных, самых настоящих. Таких всегда можно различить по одному только взгляду, пусть они и будут одеты в сплошное рубище.

— Прошка, ходь сюды! — Орчук увидел в толпе ребятишек знакомую чумазую физиономию.

— Чего тебе, Мих? — Малец пусть и подпер руками бока, но все же подошел. А как иначе?

Маленький он совсем был, осьмилеток, хотя на шесть выглядел. Четвертый сын Гришки-пропойцы. Орчук всю жизнь дивился таким: живут чем бог на день им подаст, а семьи большие. Дети в рванье, вечно голодные, однако из большинства вырастают достойные люди. Если выживают, конечно.

Он отломил половину от оставшегося второго калача и протянул мальцу. Тот не погнушался черствого хлеба, откусил.

— Проща, а чего тама намечается?

— Нешто не видишь? Поединок.

— Оно и козе понятно, что не масленичные гулянья. Ты мне скажи, народу отчего так много? Да высокородные как здесь?

— Так биться будут высокородные оба, вот у них энти, как их... сенкунданты, вот.

— Неужто? — удивился орчук.

— И это, ты место получше займи. Сейчас людей еще боле набежит. Поединок непростой, до Поглощения.

— Быть не может!

— Вот те и не может. Мих, побег я, а? — Проща умоляюще посмотрел на оручка, гадая, сполна он рассказал за кусок калача или нет.

— Ну, беги, — махнул в ответ Мих.

Сам же тем временем стал продвигаться вперед, орудуя здоровенными руками. Зеваки недовольно оборачивались, некоторые даже бранились. Однако, заметив круглое недоброе лицо (Мих выглядел грозно даже в веселом расположении духа: орчья кровь — она и есть орчья кровь), отступали в сторону. Так он и вышел к первым рядам. Отсюда можно было и дуэлянтов рассмотреть.

Ближе к Миху стоял рослый красавец с пышными усами в служебном вицмундире. Орчук с удивлением разглядывал однобортный полуфрак василькового цвета, застегнутый на желтые пуговицы с гербом, стоячий красный воротник из сукна и такого же цвета обшлага. Высокий полицейский чин, не иначе. Под рукой незнакомец держал суконную фуражку и перчатки из великолепно выделанной кожи. Мих окрестил его «ваше высокоблагородие». Возле красавца ожидали трое секундантов, тоже из аристократов, по всей видимости, пришедшие с ним.

Высокий человек в хоть и хорошо чищенном, но поношенном и бедном гражданском мундире повернулся к первому спиной. Плечи покаты, но не из-за худобы, а скорее из-за плохой одежды, в петлицах три маленькие звездочки. Мих наморщился, вспоминая науку отца: стало быть, секретарь коллежский. Странно все это. Если Прошка не соврал и бой до *Поглощения*, стало быть, оба магией должны обладать. А это что значит? Оба из Высших семей, другие в Славии не владели волшебством. Так почему же тот, который спиной к нему, всего десяти чину, даже не дворянского?

Мих тихонько обошел по кругу, дабы получше разглядеть. Тоже гожа собой. Как с картинки: нос длинный, глаза большие, будто бабы, рот сжат, отчего лицо все серьезное, но благолепное. Вот только бледен уж сильно и лоб в испарине... Понятное дело, коли уж до *Поглощения* заругались, обратного тут давать нельзя.

А народу все прибывало. Горланили мастеровые, в отдалении закатывали глаза несколько институток, даже господа во фраках сюда прибились. Не иначе с театру возвращались или еще из каких мест, куда челяди входу нет.

Меж тем один из аристократов, что стоял рядом с полицейским чином, подошел к «благолепному» и поинтересовался о готовности. Секретарь коллежский, хоть и побледнел пуще прежнего, все же кивнул, вытащил шпагу из ножен и приблизился к «высокоблагородию».

— Клянусь своими предками... — зычно начал рослый красавец.

— Клянусь своими предками, — вторил ему человек в потертом мундире, нагоняя словами противника.

— ...что добровольно вступаю в схватку, которая будет идти до полного *Поглощения* моих магических

способностей, — теперь говорили вместе, будто репетировали прежде. — Слово истинно и обратной силы не имеет. Ибо так сказал...

— Дашков Михаил Николаевич, — закончил полицейский чин.

— Меркулов Витольд Львович, — сказал «благородный» и замолчал.

Народ изумленно ахнул. Из груди дуэлянтов появился свет, будто бы исходивший напрямик от сердца. Мих глазами хлопал на диво дивное, видя подобное впервые в жизни, даже рот открыл. Свет был яркий, ослепляющий. Такой бывает не от церковной свечи, а если подолгу на солнце смотреть и потом глаза закрыть. Вот так же и рябит.

Свет разошелся по двум сторонам, а после вновь коснулся груди противников. Значит, они дали друг другу обещание, которое магия нарушить не позволит.

Теперь и секунданты отодвинулись. На зевак руками машут, бранятся, на дуэлянтов показывают: мол, отойдите от греха. Мих выставил свои оглобли да шаг назад сделал. Под собой он многих захватил — толпа заворчала, застонала, однако отшатнулась. Это с другого края увидели и тоже отступили.

Господа тем временем стали ходить друг вокруг друга, выставив шпаги. Полицейский чин махнул разок другой, но «благородный», который назвался Витольдом, оба раза клинок от себя отвел. Пусть и был теперь бледный да мокрый от волнения. Выскородные и есть выскородные, их с детства фехтованию обучают.

А еще понял Мих, что бой выйдет тяжелым. Подругому и быть не могло. Ведь сражались не на глупость наживную — на самое дорогое, что в жизни может быть. На магию.

Для аристократа лишиться магии — как крестьянину руки по локоть отрезать. Будет он бесполезным существом, как мышь, утонувшая в крынке с молоком.

О магии Мих от отца слышал, пусть папенька и не любил о подобном рассказывать. Но помнил орчук, что «пустехи» — люди, лишившиеся магии, — все одно плохо кончают: либо стреляются, либо в петлю лезут. Оно и понятно. Сегодня у тебя все есть, а завтра бери суму и иди побирайся. Только *Поглощение* пережить в разы труднее, все-таки ж магия. Привыкают к ней тяжело, а отпускает она еще мучительнее.

«Высокоблагородие» перестал ходить вокруг да около, взвился коршуном да пошел клевать противника. Тыкал того шпагой то сверху, то снизу, иной раз задевал с боков. А Витольд (имя какое презабавное, Мих такого раньше слыхом не слыхивал!) в самый последний момент то подныривал, то шаг в сторону делал, но каждый выпад отводил. Как только успевал?

Тогда-то чудо и произошло. Полицейский чин занес шпагу, однако ж бить не стал. Постоял недвижно, чутко всего, и начал исчезать. Сначала пропали его пальцы со шпагой, будто сдуло ветром легкий дымок, потом погулять голова пошла, осталось одно туловище. Заохал народ. Закричали бабы, кто послабже духом, только Мих подобрался — жутко ему интересно стало.

Не прошло и минуты, как все остальное тело истерлось. Был человек — и нету его вовсе.

Поглядел орчук на секундантов — те стоят, ухмыляются. Значит, не раз подобное видали.

Витольд крутил головой, озирался. С него уже пот градом лил, а он все противника искал. Потом затих,

будто прислушался. И тут раз — вздернул руку, и, как по нутру, сталь о сталь звякнула — удар отбил рубящий.

А следом как пошел шпагой махать, да ладно бы без дела, так снова отбивался от невидимого «высокоблагородия». Сам отступал к стене дома, но не сдавался.

У Миха даже симпатии в его сторону возникать начали. Вроде низкого чину, магия у него то ли есть, то ли нет ее — а все же бьется, не собирается капитулировать (это слово орчуку тоже в наследство от папеньки досталось). Вдруг Витольд впервые за все время ногу вперед выставил, наклонился и вытянул шпагу.

Как дальше все случилось, Мих сам не понял. Да только кончился поединок в один момент. Витольд стоит, мокрый как мышь, «высокоблагородие» наколот на его клинке. Шпага аккурат из середины спины торчит.

Орчук по глупости своей начал переживать за вицмундир. Это же сколько потрачено на него денег? Починить — оно, конечно, можно, но все же будет видно, как искусно ни выправят.

А когда полицейский чин начал оседать, тогда Мих уразумел, что ранен он самым серьезным образом. Может, даже смертельно. Секунданты тут же накинулись, оттащили в сторону, один сразу побежал за врачом.

Орчук присмотрелся: вроде ничего, жив «высокоблагородие», даже глаза открыл. Только взгляд у него теперь был одновременно удивленный и испуганный.

Тут же вновь чудо произошло. От поверженного словно дух пошел. Как от человека, который исходит. Мих о таком в книжках читал, когда совсем мальцом был. Только дух не наверх убегал, а направлялся к Витольду. Тот же стоит и впитывает, впитывает. Вот оно, значит, что есть *Поглощение!*

Острожевский тупик затих, будто и не было тут никого. Замерли все: мастеровые, крестьяне, рабочие, купцы, институтки, студенты, чиновники, аристократы. Стоят, не шевелятся и молчат, боятся слово сказать. Магия — она штука особая, не дай боже мимоходом кого заденет.

Благолепному совсем похудело. Как слепой он стал: руку вперед выставил, ищет опору, да все не найдет. Так и пошел на шатающихся ногах, не разбирая дороги, прямо к толпе. Кто закричал, кто отпрянул, только Мих растерялся. А Витольд совсем плохой уже, еле-еле до орчука добрался — да и упал. Кабы Мих не поймал его, так, чего доброго, расшибся бы, бедолага. Совсем как та бабыня давеча.

— Вставайте, вашблагородие! — пробасил Мих.

А тот и не думает отвечать. Сознание потерял и висит на руках, как куль.

Так и стояли. Орчук думал: на землю его положить — вроде как оскорбление. С другой стороны, неужто так и держать, пока в себя не придет? Словно нечем больше Мишу заняться, чем до ишачьей пасхи тут куковать.

Сомнения орчука разрешил один из господ, отделившийся от секундантов «высокоблагородия». Подошел он к Мишу, поманил за собой пальцем и сказал только три слова: «За мной иди».

И Мих послушался. Куда ему против дворянского слова! Поднял на плечо бессознательное тело, перехватил поудобнее и побрел за секундантом.

Вышли из Острожевского тупика на Верхнеколоменскую — пусть и не широкую улицу, но оживленную. Аристократ махнул рукой — и к ним подъехала открытая пролетка. Не иначе как одна из тех, на которой господа

прикатали. Понял Мих, что угадал, когда дворянин не заплатил извозчику. Лишь наказал «везти этого и господина Меркулова в Малышевский переулок, дом десять».

— А ты, морда зеленая, смотри, чтоб доставил господина Меркулова в целости и сохранности. Не приведи господь что случится с ним — я весь Моршан переверну, но твою шкуру крокодильную из-под земли достану. — И, уже поняв, что орчук представляет собой самую покорность, добавил: — Вот, держи, отдашь домоуправительнице, у которой он комнаты снимает. Пусть приглядит за ним сегодня, возможно, худо ему будет. Ну, чего стоишь, черт, трогай!

И сунул в руку пятиалтынный. Извозчик хлестнул лошадь, и та, почувствовав за собой троих, один из которых наполовину орк, а значит, тяжелее людского тела, с трудом побежала по мостовой.

Ехал Мих по Моршану. Ветер щекотал ему лицо, узенькие улочки менялись на широкие проспекты, а думы были невеселые. Влип в историю за грош ломаный, как бы худа теперь не вышло. Вот «господину Меркулову» хорошо: лежит себе, забывшись, на коленях у орчука, а ему размышляй, как выпутаться. Еще и пятиалтынный этот проклятый руку жжет.

Сначала орчук хотел свалить тело под дверь, стукнуть пару раз и убежать, да еще больше испужался. А если извозчик остановится и будет глядеть? Пушай прежде уедет. А ежели кто из окна посмотрит да закричит — дескать, убил орк прохожего да тикает! Зеленокожих не так много в Моршане водилось, большинство жило в Захожей слободе, Миху нашли бы в два счета. Тем паче скрыться ему трудно, чай, не блоха на собаке, со всех сторон

приметный и видный. Вот они сейчас ехали, а всякий прохожий оборачивался, иные пальцем показывали. Оно и понятно: сказали бы ему снести господина пешком, так квартала б не прошел — крикнули городского. Еще бы, орк человека тащит (и то, что Мих всего лишь наполовину зеленокожий, большинству неинтересно).

Другое дело — на пролетке. Так еще и извозчик не орет дурниной: «Грабят! Убивают!», значит — что? Распорядился кто. Те орки, что в Моршане жили у купцов или на заводах, — православные существа. Иными словами, смирные. Ежели при человеке, груз тащат или еще что, значит, ничего, пушай живут. В другом случае, когда один ходит да глазами по сторонам зыркает, — такого сперва прибьют, а потом станут разбираться, что и как.

Солнце за горизонтом половину своего масляного бока спрятало. Смилоstinилось над моршанцами. Но вместе с тем ночной свежести не наблюдалось, разве что духотный воздух уступил место слабой прохладой. Мих вдохнул полной грудью и решил: будь что будет, а он дворянский наказ выполнит.

Тут и извозчик вожжи натянул, крикнул: «Ну, стой же, кормилица!» Высокие колеса перестали вращаться, и пролетка замерла, накренившись вперед.

— Малышевский переулочек, — объявил возчик.

Мих и сам видел. Доходные дома, коих здесь стояло в избытке, склонились над орчуком, как кот над попавшей на берег рыбехой. Высокие, пятиэтажные, уходили они далеко вглубь. В их бесконечных коридорах ютились рабочие, мастеровые и чиновники самого дрянного пошиба. Из всех местных достопримечательностей — разве что церковь Симеона Исповедника кварталом

западнее, в которую Мих хаживал, как существо православное.

Вот что в истинном, славийском православии орчуку нравилось, так это терпимость и смирение. Всякий мог прийти в храм: и гоблин, и аховмедец, и диковинный народ айта (последних, конечно, Мих воочию не видел, но много чего презабавного слышал). Каждый «преподобие» тебя выслушает, поделится мудростью, денег не возьмет. На то и святые люди...

Мих проводил пролетку с тяжелым сердцем и направился к самому худому из всех здешних зданий. Остальные высились гигантами, а тот, что с номером 10, сгорбился покатою крышей, того и гляди рассыплется. Опустил он свои стыдливые глазенки-окна на Малышевский переулок да приоткрыл рассохшуюся дверь. Мол, заходи, мил человек, не взыщи.

Орчук шагнул в парадную и брезгливо поморщился от кислого запаха шей. Уж на что он был неприхотлив к еде, да как представил этот пустой бедный суп из остатков капустных листьев, его сразу передернуло. Дом оказался под стать еде — внутри еще меньше, чем снаружи.

— Пансионат, — презрительно бросил Мих.

Что сие слово означало, он не помнил. Его орчук вычитал в какой-то папенькиной книге, когда тот жив еще был. Мих любил изредка удивлять людей подобными заковырками, коих у него в достатке имелось за пазухой. Однако сейчас было не время и не место. Пора и с его благородием что-то решать.

Мих подошел к ближайшей двери и тихонько постучал, отчего несчастная чуть не слетела с петель. Впрочем, как давно заметил для себя орчук, мебель и прочую

безделицу деревянную в последнее время стали мастерить дрянную.

— Ах вы, окаянные! — раздался скрипучий голос.

Дверь отворилась, обнажив в утробе проема небесное создание лет семидесяти в белом чепчике, и тут же попыталась закрыться. Но с Михом такие номера не проходили. Он выставил ногу и вежливо, как ему показалось, поинтересовался:

— Благородие куда снести?

Только теперь старушка разглядела, что куль на руках у орчука — и не куль вовсе, а ее квартирант, проживающий на самом верху, господин обходительный и вежливый. Хозяйка испуганно ойкнула, но затворить дверь ей по-прежнему мешала нога зеленокожего незнакомца.

— Приказано его благородие до дому снести. Скажете, куда положить, — я и пойду, — напирал орк.

Хозяйка, за минуту перебравшая в голове все виды смерти, которые могут с ней произойти, в особенности мучительные, пребывала в состоянии тихой истерики. Но и незнакомец не намеревался отступать. Напротив, он становился сердитее в своей требовательности.

— Живет где благородие? — рыкнул зеленокожий.

Справедливости ради, Мих все еще пытался вести себя учтиво. Только в глазах одинокой пожилой женщины уже плескалось такое море отчаяния, что, появившись здесь сам государь император, на хозяйку это не произвело бы ровно никакого впечатления. Однако короткий вопрос все же возымел действие.

— Наверху. Крайняя дверь справа.

Зеленая босая ножища наконец убралась с порога, и старушка захлопнула дверь с удивительной для ее

возраста прытью. Огромная туша с бездыханным — а скорее всего, уже и убиенным — Витольдом Львовичем направилась наверх, натужно скрипя ступенями.

Мих поднялся на третий этаж и, наученный советом доброй женщины, подошел к нужной двери. Шарить по карманам благородия орчук не стал — не позволяло воспитание. Лишь тяжело надавил плечом, и замок (к слову, совсем плохенький) податливо скрипнул и полетел вместе со щепой от косяка на пол.

«Квартиры», о которых обмолвился дворянин, представляли собой две комнатки. Первая — ее Мих окрестил приемной, — имела стол, заваленный книгами и картами, старый продавленный диван и два гнутых стула. Вторая — совсем темная, вследствие чего орчук ударился коленом о нечто твердое, — была спальней с пружинистой панцирной кроватью. Туда Витольда Мих и свалил. Он походил вокруг, нашел и запалил лучину, после чего вернулся к забывшемуся господину.

Орчук потрогал лоб Витольда и поцокал языком. Его благородие охватил лихорадочный жар. Бедняга все время намеревался куда-то устремиться, дергал ногами и руками. Пришлось Миху попридержать его. Когда высокородный немного успокоился, орчук тщательнее осмотрел комнаты и обнаружил пузатый чайник с изогнутым носом.

Мих оторвал от своей рубахи кусок холстины, промокнул, положил на горячий лоб Витольду Львовичу. Приподнял ему голову и в довершение всего напоил несчастного водой. После этого его благородие забылся окончательно, изредка беспокоимый внезапной короткой судорогой, что проходила так же быстро, как и проявлялась.

Пока Мих суетился, в прикрытую дверь постучали — негромко, но очень уверенно. Не осторожное «тук-тук» костяшками пальцев, как обычно обозначаются соседи, а «тук-тук-тук», свидетельствующее о самом серьезном намерении пришедшего.

— Не заперто. — Орчук вышел в переднюю, поднял руки и прижался к стене.

Предчувствие его не обмануло. В дверях стояли околоточный надзиратель с городовым. Низенький даже по сравнению с обычными людьми чиновник держал в руках самый настоящий револьвер. У его помощника тоже была кобура, однако там гулял один ветер. Про то каждый мальчишка знал, что низшим полицейским чинам огнестрельное оружие вроде как и положено, но возможности снарядить всех полицейских у власти пока нет. Так и ходят с одними шашками.

Миху повезло: околоточный оказался хоть и сердитым стариком, но все же с разумением. Он не свел пистолета с зеленого здоровяка, но вместе с тем спокойно выслушал рассказ о дуэли. Более того, сам в спальню прошел, пощупал пульс и послушал дыхание его благородия. Орчук все это время стоял перед городовым ни жив ни мертв. А как иначе, эти обучены враз шашку из ножен доставать, почти все из отставных солдат и унтер-офицеров. Дуру включи да дернись — тут и придет тебе конец.

Как раз, когда самый страх пошел, Миху в голову опять полезли глупые мысли. Вот городской его сейчас убьет — себе весь мундир испачкает. Аж жалко. Черный, ладно пригнанный, явно на заказ сшитый. Вон у него рост какой — почти три аршина, выше самого орчука.

— А это не ты ли, часом, Терентия, присяжного поверенного, сын? — вернулся околоточный.

— Истинно так, ваше благородие, — отозвался Мих.

— Хороший был человек. Значит, звать тебя Михайло. Слышал я о тебе, слышал, да не думал, что встречу. Вы же с отцом где-то на Старых Вешках жили?

— Да, у папеньки там контора была. Сейчас я на Никольской обитаю.

— Эк тебя занесло, — крикнул околоточный. — А я Артемий Кузьмич. Твой отец в свое время моего брата... Ну да ладно. — Он собрался, сдержал нахлынувшие чувства и продолжил с некоторой суровостью: — Раз уж взялся за его благородием смотреть, остаешься с ним. Утром я зайду справиться. Это ж надо чего учинить, дуэль до Поглощения! Скандал будет, скандал.

— Но я...

— И не спорь, Михайло, не спорь. Только в память об отце тебя в участок не забираю. Замечательный был человек, тебя вот вырастил.

Околоточный, не слушая возражений, махнул городовому и уже из парадной крикнул:

— Зайду утром!

Мих уселся на стул и сложил могучие руки на скатерти. Что ж, действительно, как говаривал его отец, утро вечера мудренее.



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:



[Mifbooks](#)



[Mifbooks](#)



[Mifbooks](#)